

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 291.336(368)

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.168-178

НАСКОЛЬКО «ЖИВЫМ» БЫЛО ОРУЖИЕ НОРМАННОВ И РУСОВ?

Д.В. Пузанов

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск, 426004, Россия*

Аннотация

Оружие в представлении северных германцев имело способность самостоятельно воздействовать на окружающий мир. Этот факт исследователи интерпретируют как свидетельство того, что норманны считали оружие близким к категории живых существ. В работе показано, что многие акторные характеристики оружия в верованиях северных германцев удачнее всего объясняются через концепт «биографии» предметов, в то время как конструкция «частично одушевленного» оружия оказывается бессмысленной и излишней. Через идею «биографии» предметов дано объяснение веры в те формы активности вооружения, которые не имеют отношения к свойствам живой сущности. Источники, в которых, казалось бы, наиболее ярко представлена идея «оживающего» оружия, при внимательном их прочтении говорят лишь о невидимом управлении вооружением со стороны мифологических существ (богов или колдунов). Следовательно, они вовсе не могут быть использованы как свидетельство веры норманнов в «живое» оружие.

Ключевые слова: русы, норманны, вооружение, мечи, волшебные предметы, животные, международные отношения, клятва

Военная субкультура на протяжении всей истории человечества давала много пищи для мифологизации окружающего мира. Вооружение и военные технологии, тактические горизонты, особенности внешней среды, наконец, простая случайность – все эти условия влияли на исход битвы не меньше, чем воля человека. Воину следовало верно оценить возможности применяемых им средств, обезопасить себя эффективными союзами с представителями нечеловеческого мира. Люди стали представлять себя единственными осознающими субъектами на Земле относительно недавно. Когда мир был населен множеством душ и духов, окружающая реальность не могла осмысливаться исключительно как ресурс, необходимый для раскрытия человеческого творческого потенциала. Как люди воспринимали живые и неживые сущности до изобретения «человека»? Вопрос сложный, потому что далеко не во всех коллективах он подвергался сознательной рефлексии. И в то же время история сохранила множество свидетельств

отношений человека с различными нечеловеческими сущностями, которые нуждаются во внимательном исследовании. В числе прочего немало сведений можно почерпнуть из письменных источников об отношении викингов к своему вооружению.

В договорах Византии и языческой Руси, включенных в «Повесть временных лет», можно встретить отражение представления об оружии как акторе, способном стать гарантом клятвы. Именно оружием и богами клянутся русы, подтверждая таким образом соблюдение достигнутых договоренностей. Смысл клятвы оружием наиболее полно отражен в договоре 944 г.: «Да не имуть помощи от Бога. ни от Перуна. да не оущитятся щиты своими. и да посѣчени будут мечи своими. от стрѣль и от иного оружья своего. и да будут раби въ весь вѣкъ в будущи» (ЛЛ, стб. 47–48). Способность некоторых предметов выступать гарантом соблюдения договоренностей иногда трактуется как признание за ними личностных качеств и даже определенного сознания.

Например, В.В. Долгов использовал информацию из договоров для подтверждения мысли, согласно которой волшебные предметы в древности представлялись как «своеобразная личность, обладающая сознанием и способная принимать самостоятельные решения» [1, с. 448]. Развивая идею «живого» оружия, исследователь отмечает, что в фольклоре и в произведениях, созданных под влиянием фольклора, вооружение само рубит врага; мечам давали имена и т. д. [1, с. 429–434]. Тот факт, что скандинавы давали мечам названия, давно служит аргументом в пользу существования у норманнов веры в наличие у мечей признаков жизни [2, с. 235].

А.И. Рисей объединяет оружие, лошадей и корабли в одну полудуховную страту существ. По мысли исследовательницы, эти сущности были, согласно воззрениям норманнов, «в некоторой степени наполненными жизнью»¹ [3, р. 149]. По какому принципу А.И. Рисей сближает именно эти предметы и животное именно этого вида, догадаться можно. Но этот взгляд исследователя по-прежнему реконструкция того, как с точки зрения современного человека норманны должны были классифицировать мир. Примеров, когда бы оружие, лошади и корабли явственно объединялись в одну категорию в самих скандинавских источниках, А.И. Рисей не привела.

По мнению О.Л. Губарева, текст договора 944 г. указывает на то, что мечи при нарушении клятвы, согласно верованиям русов, должны были чудесным образом самовольно «ожить» и покарать нарушителя клятвы [4, с. 305]. Исследователь считает, что нашел точные соответствия летописному тексту в «Саге о Ньяле» [5, с. 242]. Кроме того, О.Л. Губарев сопоставляет текст договора с «Прядью о Торлейве Ярловом Скальде», где, по его мнению, оружие также самовольно приходит в движение [4, с. 305]. Основная идея работ О.Л. Губарева состоит в том, что клятва на оружии, нашедшая отражение в «Повести временных лет», встречается только у норманнов и не известна другим этническим группам. Эта точка зрения используется исследователем для борьбы с антинорманизмом. Русы, заключившие договор с Византией в X в., конечно, были северными германцами. Однако насколько клятва, используемая во время заключения

¹ Здесь и далее перевод наш. – Д.П.

международных соглашений (актов, направленных на взаимодействие культур, а не на выделение этнической специфики), может служить строгим маркером этничности – вопрос сам по себе спорный. Сомнения вызывает и попытка определить точный вид, который должно было принять магическое наказание за нарушение договора. Делать выводы исходя из одних только грамматических форм – весьма рискованное занятие, особенно когда речь идет о трактовке заговорного текста.

Другие исследователи полагали, что словами об иссечении собственным оружием маркируются обязательство принести себя в жертву в случае нарушения клятвы [6, с. 925], самоубийство либо смертный приговор, осуществляемый оружием казнимого [7, с. 256], смерть от собственного оружия в поединке или бытовой ситуации [8, с. 39]. Конечно, некая мистическая сила от мечей, зачатых определенным образом, должна была исходить. Но вовсе не обязательно, что расплата представлялась как произвольное нападение внезапно «ожившего» оружия.

Непонятно и то, насколько независимой от воли богов воспринималась магическая акторность вооружения. По мнению А.А. Фетисова, оружие из клятвы русов «выступает как атрибут дружинного бога Перуна» [8, с. 43]. П.С. Стефанович же полагает, что «активность» вооружения должна была осуществляться вне зависимости от воли Перуна [9, с. 390]. По справедливому замечанию исследователя, варяги заклинали оружие, положив его на землю, совершая магический обряд. Кроме того, в договоре 911 г. упоминается клятва оружием, но не фиксируется обращение к богам [9, с. 395]. В целом выводы П.С. Стефановича справедливы: превращенное в действующий строго определенным образом магический артефакт оружие могло оказаться дополнительным к клятве богами гарантом соблюдения договора. Ведь в отличие от высших духов, существ психологичных, непостоянных, «запрограммированный» предмет более стабилен. Мечи в скандинавской традиции действительно сами по себе оказывались удобным гарантом соблюдения обещаний, причем не только в военной и внешнеполитической сферах. В «Саге о Волсунгах» герой кладет на кровать между собой и возлюбленной обнаженный меч Грам. На вопрос удивленной женщины «он отвечает, что так суждено ему справиться свадьбу со своею женой или же принять смерть» (СВ, с. 186).

С другой стороны, какую-то роль в заклинании предметов боги могли играть. Еще готское ковельское копье, найденное в Причерноморье, содержит, помимо рунических надписей, знаки, которые иногда интерпретируют как эмблемы богов (Одина и Тора) [2, с. 231; 10, с. 90]. Согласно «Старшей Эдде», при нанесении рун на мечи должно быть дважды упомянуто имя Тюра [11, с. 181–182]. Руны на оружии, по вере норманнов, могли приносить победы [11, с. 181].

Иногда акторность норманнского оружия объясняется способностью предметов накапливать «биографии». Эта идея опирается на концепцию М. Мосса, согласно которой предметы способны материализовать «определенные ценности и социальные институты». Поскольку материальные артефакты мало изменяются со временем, это делает их удобными для формирования «преемственности между поколениями» (фамильные реликвии) [12, р. 137]. Исследователи отмечают, что знаменитые скандинавские мечи, упомянутые в сагах, имели свои «биографии», которые нередко восходили к мифологическим событиям (например: гномы создали их) [12, р. 140].

Идея «биографии» предметов подкупает своей материалистичностью. Кроме того, она указывает на некоторое преимущество волшебных предметов перед другими магическими сущностями. И в то же время данный конструкт не противоречит представлениям о наличии сознания у волшебного предмета. Так, идею «биографии» предметов удачно приспособливает к своим рассуждениям А.И. Рисей [3, р. 149]. Кроме того, следует отметить, что сам М. Мосс полагал, что вещь, участвующая в престижном дарообмене, согласно понятиям коренных обитателей Полинезии, сама тоже обладает душой [13, с. 151–152], иными словами, не разводил акторность и сознательность предметов.

Вместе с тем сложно назвать идею одухотворенности волшебных предметов универсальной. В разных культурах существуют разные представления о том, какие сущности могут обладать душой. Иногда неодухотворенными считаются даже некоторые животные, демонстрирующие весьма активное поведение [14, с. 20]. Очевидно, что не обладают ни душой, ни, строго говоря, сознанием священные реликвии в христианстве. Эта религия уже довольно четко отождествляет одушевленность с психологичностью животных и людей (ШИБ, с. 513). Впрочем, нематериальным предметам, вроде креста и икон, отсутствие сознания не мешает в представлениях христиан ощутимо воздействовать на мир.

Эти факты заставляют нас внимательней относиться к источникам. Интерпретацию О.Л. Губаревым «Саги о Ньяле», в которой мечи однажды сами выскочили из ножен и стали нападать на своих хозяев, а те прикрывались щитами, нельзя назвать удачной. Сопоставляя летописную клятву с сагой, исследователь отмечает, что, во-первых, оружие в обоих случаях как бы «оживает» и «восстает» против своих хозяев, во-вторых, причиной такого нетипичного поведения предметов является нарушение клятвы, и в-третьих, в обоих случаях упоминаются щиты, которыми должна отражаться атака [5, с. 242]. Но из текста клятвы русов, как было показано выше, непонятно, как именно мечи будут «сечь» своих хозяев. Кроме того, под нарушение клятвы в «Саге о Ньяле» О.Л. Губарев искусственно подводит отступничество от христианской веры (насколько оно может быть идентично нарушению языческой клятвы?). Остается непонятным и то, чем должны были отражать нападение собственного оружия воины саги, если не щитами. Если бы щиты «ожили» вместе с оружием и мешали отражать атаку – логику О.Л. Губарева еще можно было бы понять, но этого в саге нет (ИС2, с. 360).

Сам эпизод атакующего вооружения в саге описывается как одно из трех знамений – вместе с кипящим кровавым дождем и нападением ворон с железными клювами и когтями. И во всех трех случаях воины вынуждены защищаться щитами. Конкретно произвольная атака мечей предвещала скорую битву (ИС2, с. 361). Мечи здесь не превращаются в самости, их просто использует субъект более высокого уровня (очевидно, христианский Бог), дабы сделать людей объектами своих предсказаний. Схожая картина наблюдается и в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде», в которой О.Л. Губарев также увидел мифологему «ожившего» оружия [4, с. 305]. Но при внимательном прочтении пряди мы видим, что оружие в данном случае приводит в движение магические висы² колдуна, мстящего таким образом за причиненные ему обиды (ИС2, с. 453). Все эти

² Виса – составная часть, строфа поэтических древнескандинавских сочинений.

примеры лишь демонстрируют разнообразие контекстов, в которых, согласно верованиям скандинавов, оружие могло навредить своему хозяину.

К приведенным примерам следует добавить и случай, когда меч «программируется» на определенное поведение его создателями. В «Саге об Асмунде Убийце Воителей» конунг Будли приказывает утопить сделанный карликами (с которыми у него был конфликт) меч, потому что мастера предрекли, что это превосходное по своим качествам оружие, тем не менее, погубит сыновей дочери правителя (САУВ, с. 214). Пророчество, правда, сбылось только отчасти³. Немаловажно, что внук Будли погибает от меча, от которого ему суждено умереть, в схватке с орудующим им Асмундом (САУВ, с. 224). Иначе говоря, волшебное оружие в саге лишь дополняет боевые качества самого Асмунда (САУВ, с. 221). Совокупность акторов, одновременно дарующих победу герою, дополняется и духами-помощниками – дисами (САУВ, с. 222).

Как видим, «живые» скандинавские мечи на поверку оказываются не такими уж и живыми, при этом они демонстрируют и очевидные свойства предметов. А их активность способом своего воздействия на мир иногда напоминает работу современных компьютерных алгоритмов. Меч ценен своими свойствами, маг или берсерк способны затупить меч (СЭ, с. 340), но их волшебство может не действовать, если колдун не видит самого предмета (ИС1, с. 427–428).

Кажется, сама по себе формула отраженной в русско-византийском договоре клятвы демонстрирует не только воззрения русов, но и представления об этих воззрениях византийцев. Во всяком случае, греки хорошо знали, что, согласно верованиям их северных соседей, поражение в боях несло с собой рабский статус на том свете. Вот что писал, например, о «тавроскифах» (то есть русах) Лев Диакон: «Они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные, – когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем утверждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире» (И, с. 79).

Угроза быть убитым собственным оружием могла иметь и особый символический смысл. Если оружие участвует в определенном социальном взаимодействии, оно оказывается связано непрерывной ассоциативной цепью со своим владельцем, даже если эта связь специально не осмысливается. Переходя из рук в руки, предмет способен маркировать весьма запутанные социальные отношения. В «Саге о Греттире» меч главного героя оказывается центральным символом, рассказывающим о смерти и мести нечто большее, чем то, что можно передать словами. В то время как Греттир умирал, обессиленный от вызванной колдовством болезни и ран, нанесенных отрядом воинов, возглавляемым Торбьёрном Крючком, тот отрубил герою руку, чтобы забрать меч. Убийца добывает Греттира его же оружием (ИС1, с. 750–751). Впоследствии, когда Крючок хвастался тем, что убил сурового воина, показывая слушателям греттиров меч, на котором осталась зазубрина от удара по черепу его бывшего хозяина, оружие попросил посмотреть и Торстейн, брат Греттира. Не зная, что перед ним родственник

³ Умрет лишь один из сыновей (см. [15, с. 228]).

убитого, Торбьёрн отдает меч. И Торстейн тут же убивает им Крючка (ИС1, с. 758). Меч имеет важное значение в композиционном строении саги (своим хвостовством Торбьёрн выдал сам себя), но это и значимый символ. Узнав Крючка, Торстейн не бросается на него сразу, он хочет совершить месть оружием того, за кого она совершается.

Впрочем, возможно, принадлежность меча Торбьёрна Греттиру – не самое главное в мотивировке Торстейна. Убийство Крючка его собственным оружием могло обозначать позорную смерть, поднимать символический пласт, отсылающий к языческому времени⁴. Наконец, найденные А.А. Фетисовым очевидные параллели в нартско-осетинском эпосе [8, с. 41–42] позволяют раскрыть и другую логику: отомстить лучше тем оружием, которым был убит родственник⁵. Кроме того, лишившийся своего оружия соперник оказывается беззащитным. В нартском сказании, главный герой которого слишком молод, чтобы мстить, этот момент также более очевиден, чем в «Саге о Греттире».

В любом случае обилие социальных контекстов, в которых оказался замешан меч Греттира в саге, само по себе примечательно. Скандинавы действительно пристально следили за «судьбой» оружия. Не поэтому ли оно приобретало ту степень персонификации, при которой требовалось дарование имени? Идея «биографии» предметов объясняет эти процессы много лучше, чем конструкт «частично одушевленной» вещи. Последний не несет в себе никакой познавательной ценности, а лишь спекулирует на господстве эмерджентистских воззрений в современном мире. Между тем представления о наличии у неживых предметов своеобразного сознания не является какой-то экзотичной особенностью фетишистских пережитков. С гораздо большей уверенностью мы можем говорить о вере современных ученых и философов в неживотный разум (так называемый искусственный интеллект). А некоторые современные направления философии (панпсихизм) признают разумность неживого мира и за пределами вмешательства человека. Последовательный атеист Б. Рассел писал о том, что русло реки тоже имеет память [17, р. 155]. В данном случае, конечно, под памятью подразумевается способность хранить информацию о своем прошлом, да и самому термину «память», как и термину «сознание», панпсихисты дают широкое определение. Но разве не этот же прием используют историки, приравнивая веру в акторность предмета к вере в его частично живое состояние? Ведь не на аутентичную терминологию и не на аутентичные концепты в рассмотренных случаях опирались их реконструкции.

С другой стороны, излишняя привязка акторности к свойству живого не позволяет помыслить об особенностях акторных характеристик нементальных существ. М. Мосс был во многом прав, утверждая, что в экономике дара отчуждаемая от субъекта собственность сохраняет в себе часть первоначального хозяина [13, с. 150–152]. Но дело, конечно, не в магической силе, которую несут в себе

⁴ Например, Е.А. Мельникова пишет, что «гибель от собственного оружия знаменовала позорную смерть человека, недостойного Вальхаллы» [16, с. 182].

⁵ Так же как в скандинавской саге, герой осетинского эпоса, сын Хамыца Батраз, просит у Сайнаг-алдара его меч. Увидев на нем зазубрину, он спрашивает о том, как возник этот след. Так Батраз узнает, что данная зазубрина образовалась от зуба Хамыца. После чего герой мстит за смерть отца (вероятно, этим же мечом). Но в осетинском эпосе меч Сайнаг-алдара не принадлежал ранее Хамыцу, все оружие последнего сохранилось в его доме (Н, с. 284).

предметы. И нет ничего, что бы жестко детерминировало строго определенное поведение, связанное с дарообменом. Просто предмет может восприниматься мозгом как знак, воспроизводящий в памяти цепочки ассоциаций. В каждой социальной сети, естественно, эти следы общественных взаимодействий могут формироваться по разным правилам.

Неживой предмет как актер имеет даже некоторые преимущества над психологичными сущностями. Он стабилен, часто одинаково верно служит любому, кто им завладел. Люди, животные, духи – существа не постоянные, они могут менять свою точку зрения в зависимости от ситуации. Когда финский знахарь просит у Укко его атрибуты и оружие [18, с. 112], он, вероятно, надеется, что средства, которые применяет громовержец, будут эффективны и в руках человека. Кроме того, волшебные атрибуты бога способны внести и другой стабилизирующий фактор. Через них легче уподобиться объекту подражания⁶.

Вместе с тем не только в принадлежности к классу нементальных сущностей состоят преимущества оружия как гаранта клятвы. Еще Ю.М. Лотман отмечал важную роль, которую играют в сохранении коллективной памяти природные и рукотворные «мнемонические символы». Однако, в отличие от примеров, которые приводил исследователь («деревья, скалы, звезды... небесные светила... идолы, курганы, архитектурные сооружения... ритуалы» [19, с. 347]), оружие мобильно и отчуждаемо. И при всей своей относительной компактности и мобильности вооружение, постоянно находясь рядом с воином, является одним из очевидных источников его силы. В то же время оно способно как постоянно напоминать о заключенных соглашениях, так и вселять страх из-за подозрений, что однажды тем или иным образом погубит своего же хозяина.

Таким образом, можно утверждать, что в представлениях скандинавов волшебное и заклинаемое оружие обладало особой акторностью, не имеющей строгого соответствия в поведении настоящих живых существ. Норманны внимательно следили за «судьбой» оружия, оно мыслилось сильно персонифицированным. Тем не менее «поведение» волшебного оружия не обязательно предполагало наличие у него сознания, подобного сознанию живого существа. Наиболее яркие примеры из скандинавских сочинений, в которых, казалось бы, оружие способно к проявлению своей воли при внимательном прочтении свидетельствуют, что в таких случаях вооружение просто передвигается невидимыми силами, находится в подчинении бога или мага.

Источники

- ЛЛ – Полное собрание русских летописей. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – 496 с.
- СВ – Сага о Волсунгах / Пер., предисл. и примеч. Б.И. Ярхо. – М.; Л.: Academia, 1934. – 283 с.
- ШИБ – Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. – СПб.: Алетейя, 2001. – 972 с. (Памятники древнерусской мысли).

---

⁶ Некоторые исследователи полагают, что «заговаривающий всеми средствами пытался уподобиться Укко» [18, с. 112].

- ИС2 – Исландские саги: в 2 т. / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. – СПб.: Нева: Летний сад, 1999. – Т. 2. – 560 с.
- САУВ – Сага об Асмунде Убийце Воителей / Пер. с древнеисл. И.Г. Матюшиной // Самые забавные лживые саги: Сб. ст. в честь Г.В. Глазыриной / Под ред. Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельниковой. – М.: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2012. – С. 212–225.
- СЭ – Старшая Эдда / Пер. А. Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах – М.: Худож. лит., 1975. – С. 181–356. (Библиотека всемирной литературы. Т. 9).
- ИС1 – Исландские саги: в 2 т. / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. – СПб.: Нева: Летний сад, 1999. – Т. 1. – 829 с.
- И – *Лев Диакон*. История / Пер. М.М. Копыленко. – М.: Наука, 1988. – 237 с.
- Н – Нарты. Осетинский героический эпос: в 3 кн. – М.: Наука, 1989. – Кн. 2. – 492 с.

Литература

1. *Долгов В.В.* Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI – XIII вв. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. – 592 с.
2. *Энговатов Н.В.* Находки рунических камней на территории СССР // Скандинавский сборник. – Таллин: Эстгосиздат, 1963. – Вып. 6. – С. 229–257.
3. *Riisoy A.I.* Performing oaths in Eddic poetry: Viking Age fact or Medieval fiction? // *Journal of the North Atlantic*,. – 2016. – Spec. V. 8. – P. 141–156.
4. *Губарев О.Л.* Еще раз о клятвах русов и славян // *Novogardia*. – 2019. – № 2. – С. 304–311. – doi: 10.25797/NG.2019.2.2.018. [Рец. на: *Романчук А.А.* Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели // *Revista arheologică, serie nouă*. – 2018. – V. 14, No 1. – P. 93–107.]
5. *Губарев О.Л.* О клятвах русов и славян // *Stratum plus*. – 2013. – № 5. – С. 239–245.
6. *Введенский А.М.* Договоры Руси с греками X в.: Клятва Святослава Игоревича: Проблемы интерпретации выражения «кололи яко золото» // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – Т. 57. – С. 916–926.
7. *Кулешов В.С.* Золотые браслеты русов IX – XI вв.: тексты, вещи и функции // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь А. Песковой. – СПб.: ООО «Невская Книжная Типография», 2017. – С. 253–258. (Тр. Ин-та истории материальной культуры. Т. 48)
8. *Фетисов А.А.* Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах X в.: сравнительно-типологический анализ // *Славянский альманах 2001 г.* – М.: Индрик, 2002. – С. 36–46.
9. *Стефанович П.С.* Клятва по русско-византийским договорам X в. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2004 год: Политические институты Древней Руси / Отв. ред. Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова. – М.: Вост. лит., 2006. – С. 383–403.
10. *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Вост. лит., 2001. – 496 с.
11. *Пронин Н.А.* Роль меча в социокультурном дискурсе скандинавов VIII – XI вв.: на основании письменных источников // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: Материалы VIII Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых. – Ижевск: Ин-т компьютер. исслед., 2021. – С. 178–183.
12. *Hedeager L.* Iron Age Myth and Materiality. An Archaeology of Scandinavia AD 400–1000. – London; N. Y.: Routledge, 2011. – xxx, 286 p.
13. *Мосс М.* Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии* / Сост. А.Б. Гофман. – М.: КДУ, 2011. – С. 134–285.

14. *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. – М.: Новое лит. обозр., 2012. – 584 с.
15. *Матюшина И.Г.* Сага об Асмунде Убийце Воителей. Комментарии // Самые забавные лживые саги: Сб. ст. в честь Г.В. Глазыриной / Под ред. Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельниковой. – М.: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2012. – С. 225–234.
16. *Мельникова Е.А.* Заложники и клятвы. Процедура заключения договоров с норманнами // Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. – М.: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2012. – С. 114–183.
17. *Russel B.* Portraits from Memory and Other Essays. – N. Y.: Simon & Schuster, 1956. – 247 p.
18. *Тюнен С.В.* К вопросу о прародине огня в карело-финских заговорах // Фольклористика Карелии: Сб. ст. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 1995. – Вып. 9. – С. 109–117.
19. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.

Поступила в редакцию
27.09.2021

Пузанов Даниил Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
ул. Ломоносова, д. 4, г. Ижевск, 426004, Россия
E-mail: puzanov_dv@udman.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 6, pp. 168–178

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.168-178

Were Weapons of the Normans and Rus' "Alive"?

D.V. Puzanov

*Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UdmFRC, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences, Izhevsk, 426004 Russia*
E-mail: puzanov_dv@udman.ru

Received September 27, 2021

Abstract

Weapons, according to the Northern Germans, could directly influence the world. Many researchers interpret it as evidence that the Normans identified their weapons with living beings. This article shows that the Northern Germans' beliefs in actor weapons can be better understood through the lens of their deep conviction that any weapon has its "biography", whereas trying to understand their views based on the idea of "partially animate" weapons is unhelpful. Provided that various material items accumulate their "biography", one can potentially explain the grounds for the belief in such forms of the activity of weapons that are not related to the features of a living being. For example, an enchanted weapon affects the world by means similar to computer algorithms. The magical properties of a weapon could have been determined by the person who made it. Having been considered as special items, weapons were used to cast spells during the conclusion of international treaties. The historical sources focused on the idea of "weapons coming to life" only reveal that some mythological creatures (gods or magicians)

have the power to invisibly control weapons. Therefore, these sources fail to confirm that the Normans and Rus' believed in "animate" weapons.

Keywords: Rus', Normans, weapons, swords, magic items, animals, international relations, oath

References

1. Dolgov V.V. *Byt i nnavy Drevnei Rusi. Miry povsednevnosti XI – XIII vv.* [Everyday Life and Customs in Ancient Rus'. The Worlds of Daily Routine in the 11th–13th Centuries]. St. Petersburg, Izd. Olega Abyshko, 2017. 592 p. (In Russian)
2. Engovatov N.V. Runestone findings in the USSR. In: *Skandinavskii sbornik* [Scandinavian Review]. Tallinn, Estgosizdat, 1963, no. 6, pp. 229–257. (In Russian)
3. Riisoy A.I. Performing oaths in Eddic poetry: Viking Age fact or Medieval fiction? *Journal of the North Atlantic*, 2016, spec. vol. 8, pp. 141–156.
4. Gubarev O.L. Once again about the oaths of the Rus' and Slavs. *Novogardia*, 2019, no. 2, pp. 304–311. doi: 10.25797/NG.2019.2.2.018. Review of: Romanchuk A.A. The origin of the Rus' "weapons and rings" oaths: Slavic, Germanic, and Celtic parallels. *Revista arheologică, serie nouă*, 2018, vol. 2018, vol. 14, no. 1, pp. 93–107. (In Russian)
5. Gubarev O.L. About the oaths performed by the Rus' and Slavs. *Stratum plus*, 2013, no. 5, pp. 239–245. (In Russian)
6. Vvedenskii A.M. The treaties between Rus' and Greeks in the 10th century: Sviatoslav I Igo-revich'oath: Problems with interpretation of the verbal expression "koloti yako zoloto". In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Old Russian Literature Department]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2006, vol. 57, pp. 916–926. (In Russian)
7. Kuleshov V.S. Gold bracelets of the Rus' people in the 9th–11th centuries: Texts, things, and functions. In: *V kamne i v bronze: Sb. st. v chest' A. Peskovo* [In Stone and Bronze: Collection of Articles in Honor of A. Peskova]. St. Petersburg, OOO "Nevskaya Kn. Tip.", 2017, pp. 253–258. *Trudy Instituta Istorii Material'noi Kul'tury*, vol. 48. (In Russian)
8. Fetisov A.A. Ritual content of the oath by weapons in the Russian-Byzantine treaties of the 10th century: A comparative typological analysis. In: *Slavyanskii al'manakh 2001 g.* [Slavic Almanac of 2001]. Moscow, Indrik, 2002, pp. 36–46. (In Russian)
9. Stefanovich P.S. Oath based on the Russian-Byzantine treaties of the 10th century. In: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: Materialy i issledovaniya. 2004 god: Politicheskie instituty Drevnei Rusi* [The Ancient States of Eastern Europe: Materials and Studies. 2004: Political Institutions of Ancient Rus']. Gimon T.V., Mel'nikova E.A. (Eds.). Moscow, Vost. Lit., 2006, pp. 383–403. (In Russian)
10. Mel'nikova E.A. *Skandinavskie runicheskie nadpisi: Novye nakhodki i interpretatsii. Teksty, perevod, kommentarii* [Scandinavian Runic Inscriptions: New Finds and Interpretations. Texts, Translation, Commentary]. Moscow, Vost. Lit., 2001. 496 p. (In Russian)
11. Pronin N.A. The role of the sword in the sociocultural discourse of the Scandinavians during the 8th–11th centuries: Based on written sources. *Evropa v Srednie veka i Novoe vremya: Obshchestvo. Vlast'. Kul'tura: Materialy VIII Vseros., s mezhdunar. uchastiem, nauch. konf. molodykh uchenykh* [Europe in the Middle Ages and Modern Times: Society. Power. Culture: Proc. VIII All-Russ., with Int. Participation, Sci. Conf. for Young Scientists]. Izhevsk, Inst. Komp'yut. Issled., 2021, pp. 178–183. (In Russian)
12. Hedeager L. *Iron Age Myth and Materiality. An Archaeology of Scandinavia AD 400–1000*. London, New York, Routledge, 2011. xxx, 286 p.
13. Mauss M. The gift: Forms and functions of exchange in archaic societies. In: Gofman A.B. *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii* [Society. Exchange. Personality: Proceedings on Social Anthropology]. Moscow, KDU, 2011, pp. 134–285. (In Russian)
14. Descola Ph. *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond Nature and Culture]. Moscow, NLO, 2012. 584 p. (In Russian)
15. Matyushina I.G. The saga of Asmund the Champion-Killer. Commentaries. In: Juxon T.N., Mel'nikova E.A. (Eds.) *Samye zabavnye lzhiyye sagi: Sb. st. v chest' G.V. Glazyrinoi* [The Funniest Lying Sagas: A Collection of Articles in Honor of G.V. Glazyrina]. Moscow, Izd. Univ. Dmitriya Pozharskogo, 2012, pp. 225–234. (In Russian)

16. Mel'nikova E.A. Hostages and oaths. The procedure for concluding treaties with the Normans. In: Uspenskii F.B. (Ed.) *Imenoslov. Istoriya yazyka. Istoriya kul'tury* [Litany. History of Language. History of Culture]. Moscow, Izd. Univ. Dmitriya Pozharskogo, 2012, pp. 114–183. (In Russian)
17. Russel B. *Portraits from Memory and Other Essays*. New York, Simon & Schuster, 1956. 247 p.
18. Tyunen S.V. On the homeland of fire in Karelian-Finnish conspiracies. In: *Fol'kloristika Karelii: Sb. st.* [Folkloristics of Karelia: Collection of Articles]. Petrozavodsk, KNTs Ross. Akad. Nauk, 1995, no. 9, pp. 109–117. (In Russian)
19. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Human – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Yaz. Russ. Kul't., 1996. 464 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Пузанов Д.В. Насколько «живым» было оружие норманнов и русов? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 6. – С. 168–178. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.168-178. ⟩

⟨ **For citation:** Puzanov D.V. Were weapons of the Normans and Rus' "alive"? *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 6, pp. 168–178. doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.168-178. (In Russian) ⟩